



Въ Берлинѣ на Конгрессѣ.

XVI ¹⁾.

Наше посрамленіе на печальной памяти Берлинскомъ Конгрессѣ, обыкновенно, приписывается общему къ намъ недоброжелательству изъ зависти къ нашему могуществу. Ничего не можетъ быть болѣе неосновательнымъ и для насъ вреднымъ, какъ это утвержденіе. Если мы дѣйствительно были такъ могущественны, что вызывали страхъ великихъ державъ, то почему одновременно вызвали неудовольствіе въ балканскихъ государствахъ, намъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ, которыя силѣ нашей должны были только радоваться. Если бы мы были въ дѣйствительности могущественны, то что же заставило насъ идти въ Берлинъ, какъ второстепенная держава, на повѣрочное испытаніе нами самостоятельно заключеннаго мирнаго договора?

Немного ранѣе Германія раздавила Францію, уничтожила ея армію и стремилась довести ее до матерьяльнаго банкротства, обложивъ неслыханною суммою въ пять миллиардовъ франковъ. И однако она не обращалась къ посредничеству великихъ державъ для закрѣпленія своего мирнаго договора. Да и ни одному изъ европейскихъ государствъ и въ голову не пришло громко протестовать противъ дѣйствительнаго рѣзкаго нарушенія политическаго равновѣсія. Каждый понималъ, что изъ-за такого протеста могла послѣдовать война, къ которой во всякомъ случаѣ была больше готова Германія, несмотря на только-что закончившуюся кампанію, чѣмъ любая изъ великихъ державъ. Въ нашемъ же случаѣ вышло

¹⁾ См. „Русская Старина“ январь 1913 г.

обратное. Побѣдительница Турціи спасовала даже предъ Австро-Венгріею и, подавивъ въ себѣ чувство собственнаго, достоинства, смиренно приняла надъ собою судъ чужеземнаго ареопага. Почему же такая разниа въ судьбѣ нашей и Германіи?

Было бы въ высшей степени трудно доказать превосходство германской матерьяльной силы. Въ отношеніи источниковъ послѣдней мы несомнѣнно превосходимъ Германію. Но наша сила остается неорганизованною, тогда какъ организація германскихъ силъ представляетъ примѣръ высокаго совершенства. Франція оставалась богатѣйшею страной, но, сокрушенная первыми ударами, не имѣла возможности быстро реорганизоваться и потому потеряла силу сопротивленія. Представляется чрезвычайно страннымъ и мало понятнымъ, почему германская организація, совершеннѣйшая по своей простотѣ, остается не примѣненною въ другихъ странахъ.

Но мы теряемъ не отъ одного только нестроенія военнаго дѣла, но еще и отъ ложныхъ путей, на которые направила нашихъ представителей международнаго вѣдомства сложная система меттерниховскаго наслѣдства. Съ тѣхъ поръ, что дипломаты потеряли простоту языка и приняли за свое высшее искусство въ многорѣчивомъ изложеніи не сказать ровно ничего, наши международныя отношенія запутались и понимать ихъ не всегда представляется возможнымъ. Казалось бы, что, признавъ разъ навсегда нашъ путь на Балканскій полуостровъ черезъ Вѣну, какъ же на дѣлѣ выходить, что всѣ соглашенія мы дѣлаемъ именно черезъ Вѣну, при томъ, оплачивая фиктивные выгоды дорогою цѣною отторженія подъ ея корону искони славянскихъ земель. Можно было думать, что отдачею во временную оккупацию Босніи и Герцеговины мы обезпечивали себѣ свободу распоряженія на остальномъ пространствѣ Балканскаго полуострова. На дѣлѣ же оказывается, что этою дорогою цѣною мы купили себѣ только голое право войны.

Не въ первый разъ намъ приходилось воевать за братьевъ славянъ, за вѣру православную. Опытъ прежнихъ войнъ долженъ былъ научить, какіе интересы и какихъ державъ затрагиваются нашимъ вмѣшательствомъ. Мы должны были знать хорошо, что на первомъ планѣ у великихъ державъ матерьяльная выгода, дешевое полученіе сырья и дорогой сбытъ продуктовъ собственнаго производства. Разъ мы поставили себѣ цѣлью благоденствіе балканскихъ странъ, т. е. устраненіе гегемоніи османовъ, столь покладистой предъ Западною Европою, мы должны были знать, что отъ теряемыхъ преимуществъ послѣдняя легко не откажется. Поэтому нужно было реализовать не только вооруженную силу для по-

бѣды надъ Турціею и поддержанія нашего государственнаго авторитета, но и матеріальныя средства, съ которыми освобожденныя народности могли бы отстоять собственную свободу.

Въ Берлинѣ мы были представителями не могущественной державы Россійской, а только-что зародившагося болгарскаго государства, на зарѣ своей политической жизни уже проявившаго стремленіе къ широкому захвату территорій сосѣднихъ народностей и тѣмъ вызвавшаго ихъ справедливое негодованіе. Вотъ почему задача, возложенная на нашихъ уполномоченныхъ, отстоять Санъ-Стефанскій договоръ, была чрезвычайно трудна, а, въ виду общей обстановки и малой ихъ подготовленности, имъ не по силамъ.

Мы рассчитывали опереться на соглашеніе съ Лондономъ, но первое слово этого соглашенія заключало въ себѣ расчлененіе Болгаріи, т. е. уничтоженіе именно того, что мы поставили въ основаніе Санъ-Стефанскаго договора. Если при этомъ мы примемъ во вниманіе, что изъ всѣхъ компромиссовъ, съ которыми мы обращались ко всѣмъ державамъ Европы, мы остановились на лондонскомъ соглашеніи, то станетъ яснымъ, на сколько дѣло было испорчено, на сколько наше международное положеніе было шаткимъ.

Самое соглашеніе съ Лондономъ было въ высшей степени неопредѣленно, почему послужило съ начала засѣданій комиссіи военныхъ экспертовъ поводомъ къ цѣлому ряду недоразумѣній. Разъ послѣдовало соглашеніе на отдѣленіе Восточной Румеліи отъ Болгаріи по раздѣльной линіи Балканъ, естественно было принять за границу водораздѣлъ; но англійскіе делегаты ввели дополнительное соображеніе огражденія агрессивнаго начала для Турціи, почему требовали включенія въ составъ Восточной Румеліи и плацдармовъ на вершинахъ горъ, и верховья долинъ, обращенныхъ къ сѣверу. Пришлось терпѣливо выслушать ихъ заявленія до конца, нанести на планъ и представить графу Шувалову.

„Вы видите, графъ, что при такомъ положеніи ничего хорошаго ожидать нельзя. При полномъ незнаніи дѣла и мѣстности, англичане позволяютъ себѣ Богъ знаетъ что, при сочувственномъ молчаніи представителей армій великихъ державъ и подъ безукоризненнымъ предсѣдательствомъ германскаго“.

„Но англичане не имѣютъ ни малѣйшаго основанія притязанія до такихъ размѣровъ“, замѣчаетъ графъ.

„Тѣмъ болѣе необходимо теперь же остановить ихъ рвеніе. Если такъ пойдетъ дальше, то даже слушать ихъ считаю для себя позорнымъ“.

„Самое лучшее, пойдете къ д'Израели. Сейчасъ спрошу по телефону. Отлично. Онъ дома, слегка нездоровъ. Пойдете“.

Черезъ пять минутъ мы уже были въ великобританскомъ посольствѣ. Я остался въ залѣ, графа попросили въ спальню.

„Ну вотъ, дѣло улажено“, говоритъ вернувшійся графъ Шуваловъ. „Д'Израели проситъ не обращать никакого вниманія на генерала Симонса и обозвалъ его every body, а тотъ генеральный инспекторъ всѣхъ великобританскихъ фортификацій“.

Д'Израели, первый уполномоченный отъ Великобританіи, былъ талантливымъ евреемъ отъ рожденія и пронырливымъ евреемъ по природѣ. Соглашеніе съ нами, очевидно, было для него дѣломъ случайнымъ и неожиданнымъ, до того крайними были предложенные имъ основные пункты. Одновременно съ переговорами съ графомъ Шуваловымъ, онъ сблизился съ Бисмаркомъ, вмѣстѣ съ которымъ условились о характерѣ и направленіи предстоявшаго конгресса. Въ то время Англія увлекалась средне-азиатскимъ желѣзно-дорожнымъ путемъ, долженствовавшимъ соединить европейскій материкъ съ великобританскими владѣніями въ Индіи. Изъ владѣній Азіатской Турціи предполагалась къ отчужденію широкая полоса земли съ чрезвычайно своеобразною организацею. Все было предусмотрено, организовано и капитализировано. Оставалось сдѣлать первый шагъ къ осуществленію широкаго предпріятія и для этого слѣдовало встать твердою ногою на побережьѣ Архипелага. Д'Израели сумѣлъ воспользоваться благопріятною обстановкою и удобною минутою, среди глубокаго мира, закрѣпивъ о. Кипръ во владѣнія Англіи. Благодарная страна дала ему титулъ лорда Биконсфильда.

Такимъ образомъ, первый уполномоченный Англіи впередъ обезпечилъ свое главное дѣло, въ остальномъ онъ интересовался настолько, насколько это касалось торговыхъ интересовъ Англіи на Балканскомъ полуостровѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ не терялъ связи съ представителями Австро-Венгріи, на которыхъ вліялъ черезъ Бисмарка. Крайне заносчивый, онъ позволялъ себѣ на засѣданіяхъ конгресса рѣзкія выходки, весьма часто направленные противъ насъ; и нужно отдать справедливость князю Горчакову, какъ онъ мѣтко и съ большимъ достоинствомъ ихъ парировалъ. Впрочемъ Д'Израели не давалъ себѣ большого труда, предоставляя разрабатывать детали второму уполномоченному отъ Англіи, маркизу Салисбюри, всегдашнему антагонисту графа Игнатьева на Константинопольской конференціи.

Первымъ уполномоченнымъ отъ Австро-Венгріи былъ графъ Андраши, венгерскій магнатъ, наводившій такую панику на нашего посла въ Вѣнѣ, Е. П. Новикова, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ весьма достойнаго государственнаго дѣятеля. При ближайшемъ знакомствѣ графъ Андраши оказался вовсе не страшнымъ. Онъ

принадлежалъ къ тому типу элегантныхъ дипломатовъ Меттерниховской школы, которые съ большимъ искусствомъ умѣютъ представлять великою державою Австро-Венгрію, въ сущности слабую по механической спайкѣ разнорѣчивыхъ и разноплеменныхъ народностей.

Чтобы яснѣе обрисовать, при какихъ обстоятельствахъ завязались наши первыя отношенія къ графу Андраши, я долженъ нѣсколько возвратиться назадъ къ тому времени, когда, сопровождая графа Шувалова, мы выѣхали изъ Петербурга въ Берлинъ.

На Сиверской станціи, увидавъ меня въ окнѣ вагона, графъ пригласилъ меня съ картами къ себѣ.

„Вы знаете, что я по призванію военный и преобразился дипломатомъ только по волѣ Государя. Теперь являюсь уполномоченнымъ среди высшихъ авторитетовъ по международному искусству всей Европы, а къ дипломатической дѣятельности совсѣмъ не подготовленъ, въ чемъ откровенно сознаюсь. Такъ вотъ, чтобы наскоро заpastись всякими свѣдѣніями, убѣдительно Васъ прошу посвятить меня въ обстановку Балканскаго полуострова. Пожалуйста расскажите мнѣ все подробно, какъ начинающему ученику“.

Такой приступъ къ дѣлу по своей необычности мнѣ чрезвычайно понравился.

„Прежде всего имѣйте въ виду, графъ, что обозначеніе направленія Балканскаго горнаго хребта на всѣхъ картахъ невѣрно. Горнымъ узломъ служитъ Рило-Дагъ и гора Витошъ, изъ ущелій которыхъ выходитъ рѣка Искра, прорѣзывающая поперекъ сѣверный гребень Стара-Планины. Отсюда городъ Софія долженъ принадлежать Болгаріи, а не Восточной Румеліи. Обращаетъ на себя вниманіе историческая судьба Софіи, которая подъ именемъ Средецъ была средоточіемъ великаго болгарскаго царства. Тырновъ имѣлъ второстепенное значеніе“...

Ограничиваюсь теперь только этими строками, глубоко запавшими у графа Шувалова и послужившими прологомъ къ начертанію въ Берлинѣ государственныхъ границъ.

Одновременно шли переговоры въ Константинополѣ между англичанами и турками, какъ выгоднѣе использовать лондонское съ нами соглашеніе. Узнавъ, что Россія такъ легко пошла на уступки и согласилась расчленивъ болгарскія земли на двѣ части, изъ которыхъ одна должна была оставаться подъ сюзеренитетомъ султана, а другая—сохранить характеръ турецкой провинціи только съ нѣкоторыми привилегіями, турки настаивали на причисленіи крѣпостнаго плацдарма Шумла-Варна къ Восточной Румеліи.

Въ такомъ положеніи находились взаимныя отношенія дого-

варивавшихся сторонъ, когда графъ Шуваловъ, по прибытіи въ Берлинъ, обратился къ графу Андраши съ предложеніемъ оставленія Софіи въ предѣлахъ княжества. Въ австрійскомъ представителѣ графъ нашелъ внимательнаго слушателя, такъ какъ послѣднему не нравилось включеніе казъ Кюстендила и Джуман въ границы Восточной Румелии. Твердо помня завѣтъ традиціонной австрійской политики беречь для себя въ будущемъ доступы къ Егейскому морю, графъ Андраши съ удовольствіемъ принялъ наше предложеніе конечно съ тѣмъ, чтобы обѣ поименованныя казвы оставались въ непосредственномъ владѣніи Турціи. Отъ послѣдней впоследствии было, разумѣется, для Австріи легче получить эти казвы, чѣмъ отъ молодого государства, развитіе котораго не было въ интересахъ монархіи Габсбурговъ. Въ то время нельзя было предвидѣть, до какой степени измѣнится эластичная политика вѣнскихъ дипломатовъ, превратившихъ Болгарію, ранѣе заподозрѣнную чуть не русскою провинціею, въ одно изъ союзныхъ государствъ.

Вотъ почему, когда появилось предложеніе маркиза Салисбюри съ Мегеметь-пашой объ оставленіи Шумло-Варненскаго плацдарма за Турціею, если не прямо, то въ обмѣнъ на софійскій районъ, предложеніе это потерпѣло полную неудачу. Расходиться же съ Австро-Венгріею изъ-за этого вопроса Великобританія не считала въ своихъ интересахъ, сознавая ея преимущества въ торгово-промышленномъ отношеніи на Балканскомъ полуостровѣ. Великобританскіе представители считали, что въ соглашеніи съ Вѣной они могли много выиграть безъ особыхъ усилій, безъ этого соглашения затруднили бы достиженіе своихъ цѣлей и во всякомъ случаѣ рисковали бы слишкомъ самостоятельною политикою. Русская пословица *чужими руками жаръ загребать* всегда была девизомъ высшей политики, какъ въ то время, такъ и теперь.

Такимъ образомъ состоялось образованіе Болгарскаго княжества съ софійскимъ округомъ. Обстоятельство первостепенной важности, обезпечившее Болгаріи серьезный шагъ къ преобладающему положенію на полуостровѣ.

Состоялось и отдѣленіе Восточной Румелии, но значеніе этой мѣры скорѣе заключалось въ противодѣйствіи будто бы завоевательнымъ планамъ Россіи и не могло быть надолго сохранено уже разлагавшеюся державою Османовъ. Напрасно турецкое правительство надѣялось самыми широкими правами, которыми, по мнѣнію западныхъ дипломатовъ, скрывалась болгарская жизнь. И право утвержденія правителя, и право жандармеріи, и право блокгаузовъ въ Балканахъ, и право доступовъ въ Придунайскую Болгарію и пр., все это могло имѣть значеніе въ крѣпкихъ рукахъ здороваго орга-

низма, а не мусульманскаго государства, отживавшаго свой вѣкъ. Въ самое короткое время болгарская народность успѣла оправиться, выпрямиться, и вся хитрая система подпорокъ разлетѣлась, обнаруживъ жизненность Болгаріи и дряблость Турціи.

Санъ-Стефанскія болгарскія границы были осажены до болѣе естественныхъ этнографическихъ предѣловъ. Въ Европейскія владѣнія Турція получила вновь сплошную территорію по побережью Егейскаго моря. Защищать договоръ не было никакой возможности, до такой степени были шатки его основанія. Въ Санъ-Стефано мы увлеклись болгарскими иллюзіями и не оказались стойкими въ той политикѣ, которой вѣками придерживались, сохраняя за собою почетное положеніе нелицепріятнаго покровителя одинаково всѣхъ народностей Балканскаго полуострова. Свое посрамленіе мы подготовили собственными руками, подписавшими Санъ-Стефанскій мирный договоръ. Мы выдвинули на первый планъ исключительно болгарскіе интересы и тѣмъ не только подорвали довѣріе къ себѣ остальныхъ народностей, но и причинили не малый вредъ самимъ болгарамъ, подавъ имъ поводъ себя считать выдающимся народомъ.

Обстоятельства сложились такъ, что мнѣ же пришлось оказать Болгаріи первостепенную услугу черезъ присоединеніе къ ней софійскаго округа съ городомъ Софіею. Послѣдующая исторія княжества оправдала значеніе и правильную оцѣнку этого событія. Тырновъ оставался столицей расчлененной Балгаріи; но какъ только двѣ части соединились въ одно, первенство перешло къ Софіи. Тѣмъ болѣе я себя считалъ обязаннымъ употребить все свое вліяніе, чтобы въ предѣлы сербскаго княжества были включены тѣ земли съ городами Акъ-Паланкой и Пиротомъ, которыя были добыты сербскимъ мечомъ. То, что мною было положено добыть для Сербіи и дѣйствительно добыто во имя справедливости, было оплачено Рястичемъ особою конвенціею съ Вѣной. Когда я выяснилъ ему въ Берлинѣ положеніе дѣла, онъ не сознался въ своемъ промахѣ, а ссылаясь на графа Шувалова, будто бы отославшаго его къ гр. Андраши.

Въ свое время я помѣстилъ подробную статью о Берлинскомъ конгрессѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“, въ то время издаваемомъ Ѳ. Н. Бергомъ. Тамъ событія изложены въ большой послѣдовательности, и потому здѣсь не считаю нужнымъ останавливаться на подробностяхъ, къ тому же, съ удаленіемъ отъ событій, детали теряютъ свою выпуклость и сливаются въ общую историческую картину въ генетической связи съ прошлымъ и послѣдующимъ. Берлинскій конгрессъ былъ повѣрочнымъ испытаніемъ нашей государственности и ложится отвѣтственностью на его дѣятелей не столько

по проявленнымъ ими при переговорахъ знанію дѣла, стойкости и находчивости, сколько по ихъ предшествовавшей государственной дѣятельности, подготовившей неудачный эпилогъ событій нашей собственной инициативы. Имѣли ли мы право рассчитывать на болѣе сочувственное къ намъ отношеніе даже менѣе заинтересованныхъ въ событіяхъ державъ, какъ Франція и Италія, если во многомъ ихъ отъ себя отшатнули и не сдѣлали ничего, чтобы ихъ привлечь на свою сторону.

Почти тридцать пять лѣтъ отдѣляютъ насъ отъ тѣхъ событій. Прошло достаточно времени, чтобы смягчить болѣзненность анализа дѣятельности лицъ, стоявшихъ въ центрѣ событій. Къ самымъ блестящимъ государственнымъ дѣятелямъ того времени принадлежать графъ Н. П. Игнатьевъ и графъ П. А. Шуваловъ. Послѣдній долженъ былъ завершить дѣло перваго; но результатъ совокупной ихъ работы постигла полная неудача. Почему? Не потому ли, что высокіе ихъ таланты не были обработаны государственностью и изъ ихъ алмазовъ не вышли брилліанты. Первый изъ нихъ, обладая прекрасною подготовкою, работалъ слишкомъ самостоятельно, безъ необходимой связи съ лицами и событіями; а второй при самыхъ высокіхъ дарованіяхъ отъ природы не имѣлъ достаточной подготовки къ тому дѣлу, вершителемъ котораго былъ поставленъ.

XVII.

На Берлинскій конгрессъ не слѣдуетъ смотрѣть съ точки зрѣнія всеобщей къ намъ враждебности. Пока сохраняется это убѣжденіе, мы будемъ мало чувствительны къ собственнымъ ошибкамъ и промахамъ. Берлинскій конгрессъ былъ дѣйствительно умаленіемъ нашего международнаго значенія, но не потому, что образовалась намъ противная коалиція, а потому, что мы слишкомъ мало работали. Повторилось разочарованіе Парижскаго договора, примѣръ котораго оказался для насъ такимъ образомъ недостаточнымъ. Во всякомъ случаѣ на такой печальный исходъ мы не рассчитывали.

По личному моему убѣжденію война 1877—78 гг. не была дѣломъ необходимости. На этомъ я настаивалъ, представляя еще зимой изъ Бухареста подробную записку, хотя и былъ въ это время представителемъ такъ сказать боевого начала. Если же по какимъ-либо особымъ соображеніямъ война была рѣшена, то очевидно, что политическою цѣлью ея должно было быть образованіе сильныхъ, намъ союзныхъ, государственныхъ организмовъ, которые могли бы сами постоять за себя и во всякомъ случаѣ быть для

насъ опорными народностями. Но мы не только не разработали своевременно для нихъ органическихъ статутовъ, но и не заготовили никакой матеріальной части. Мы не только не припасли для нихъ современнаго оружія; но и большую часть своихъ собственныхъ войскъ оставили съ старыми ружьями, много уступавшими оружію противника. Развѣ такимъ путемъ можно было дойти въ Берлинѣ до блестящаго результата? Представители балканскихъ народностей явились на Берлинскій конгрессъ не сильною единодушіемъ намъ союзною группою, а съ нескончаемыми на насъ жалобами, неудовольствіями и требованіями. Мы не сумѣли примирить интересы въ родственномъ кругу, какъ же могли рассчитывать на податливость тѣхъ, которые ревниво слѣдятъ за малѣйшимъ усиленіемъ того или другаго государства.

Въ Берлинѣ представители русской государственности работали много и добросовѣстно; но исправить коренныя ошибки, накопившіяся годами, были не въ состояніи. Напрасно существуетъ нареканіе на самыхъ выдающихся дѣятелей современнаго дипломатическаго міра. Можетъ быть нашъ государственный канцлеръ уязвимъ въ правильности пониманія политическихъ событій, предшествовавшихъ Берлинскому конгрессу, но въ высокихъ совѣщаніяхъ онъ все-таки являлъ собою, хотя и на склонѣ дней своихъ, величественный примѣръ, предъ которымъ невольно преклонялись оппоненты. По глубоко преклонному возрасту онъ многое позабылъ и часто путалъ событія; но вѣдь фактическая часть лежала на обязанности его помощниковъ. Обобщеніе же и изложеніе всегда отличались высокимъ искусствомъ концепціи и краснорѣчія.

Много преувеличено и осужденіе канцлера Германской имперіи. Въ томъ положеніи, въ которомъ онъ тогда находился, трудно было отъ него требовать большаго проникновенія къ русскимъ интересамъ. Отъ графа Шувалова я неоднократно слышалъ хорошіе отзывы о внимательномъ и сочувственномъ отношеніи князя Бисмарка къ его заявленіямъ. Казалось, что при своемъ значеніи посредника онъ ближе стоялъ къ грани нашихъ интересовъ, чѣмъ противоположной. Онъ громко заявлялъ себя честнымъ маклеромъ, но это выраженіе, конечно, должно было примѣняться только къ взаимнымъ отношеніямъ безразличныхъ державъ и никоимъ образомъ не относиться къ Германіи и ея союзникамъ. Съ горькою ироніею произнося названіе честнаго маклера, мы имѣемъ въ виду вообще его государственную дѣятельность, направленную къ развитію германскаго могущества во многомъ на нашъ счетъ; но, безпристрастно вникая въ сущность дѣла, должны сознаться, что въ такомъ положеніи мы сами виноваты неправильнымъ пониманіемъ

собственныхъ интересовъ, недостаткомъ характера и рѣшительности въ историческія минуты.

Положеніе дѣлъ на конгрессѣ, какъ въ зеркалѣ, отражалось на нашей комиссіи военныхъ экспертовъ. Рѣшительно ничего не могу сказать противъ нашего предсѣдателя германской службы полковника фонъ-Блуме. Во всѣхъ случаяхъ онъ не только не былъ лицепріятнымъ, но всегда строго справедливымъ, сдержаннымъ и внимательнымъ. Для поясненія приведу примѣръ моего разногласія съ австрійскимъ капитаномъ Теммелемъ¹⁾, личностью въ высшей степени антипатичною. На каждомъ шагу онъ старался оспаривать всякое мое слово и предложеніе не столько для разъясненія сути дѣла, сколько принципиально, чтобы не давать мнѣ ходу. Замѣтивъ такое обостренное ко мнѣ отношеніе, я рѣшился его наказать. При обсужденіи одного изъ участковъ границы, напередъ сговорившись съ французскимъ экспертомъ, я сдѣлалъ предложеніе въ такомъ смыслѣ, въ какомъ долженъ былъ сдѣлать Теммель. Послѣдній сейчасъ же сталъ противорѣчить. Давъ время высказаться остальнымъ членамъ комиссіи, я заявилъ предсѣдателю, что отказываюсь отъ своего предложенія и присоединяюсь къ тому, которое собрало больше голосовъ, т. е. графа Семезона. Предсѣдатель объявляетъ, что послѣднее предложеніе принято.

Теммель оспариваетъ, утверждая, что мое мнѣніе первое, а не послѣднее; но тутъ фонъ-Блуме рѣшительно объявилъ неосновательность такого утвержденія. Мнѣ не пришлось слова сказать.

На сколько Теммель былъ рѣзокъ до грубости, на столько же другой членъ комиссіи отъ Австро-Венгріи, баронъ Швегель, былъ изысканно вѣжливъ и любезенъ. Вообще я долженъ сказать, что Теммель былъ исключеніемъ изъ общаго правила, и что австрійскіе офицеры, когда только мнѣ приходилось съ ними сходитья, всегда были элегантны и съ большою выдержкою.

Представитель британской арміи, генераль Симонсъ, на первый взглядъ могъ показаться нѣсколько грубоватымъ, но въ дѣйствительности онъ принадлежалъ къ хорошему типу, только усвоившему дурную манеру выражаться и себя держать. Къ нему скоро привыкли и не стѣснялись возражать на его часто рискованныя выходки. Между нами онъ былъ старѣйшимъ по возрасту, по чину и по положенію.

Не говорю о другихъ лицахъ и событіяхъ, чтобы подробностями не затѣнять главнѣйшаго. Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ свое время мною приведено много данныхъ, о которыхъ теперь не упоминаю.

¹⁾ Впослѣдствіи баронъ и посланникъ въ Бѣлградѣ.

Веселаго и радостнаго въ канцлерскомъ дворцѣ, гдѣ мы собирались, было мало. Все приходилось брать съ боя, хотя нельзя сказать, чтобы измѣненій въ нашу пользу въ концѣ концовъ было достаточно. Много было всякаго рода неудовольствій и огорченій, переносить которыя было тѣмъ труднѣе, что впереди совсѣмъ не было видно просвѣта. Стояла къ тому же іюльская жара, въ Берлинѣ особенно чувствительная по накалявшимся окрестнымъ пескамъ. Не даромъ прусская столица носила названіе Бранденбургской песочницы.

По настоящему Берлину даже нельзя имѣть понятія, какимъ онъ былъ тридцать лѣтъ тому назадъ. Одно въ немъ было всегда хорошо, это Тиргартенъ, куда я уходилъ отъ зноя и гдѣ я набирался по утрамъ свѣжаго воздуха. Когда я какъ-то сказалъ о своихъ прогулкахъ, мнѣ посовѣтовали туда забираться не слишкомъ рано, чтобы не быть ограбленнымъ или не наткнуться на самоубійцу. Этотъ въ настоящее время чудный садъ, расчищенный и выхолонный до педантизма, рѣдкій по своему богатству древесныхъ породъ, обширнѣйшій резервуаръ здороваго воздуха въ центрѣ мірового города, въ то время былъ запущеннымъ старымъ лѣсомъ, хотя и перерѣзаннымъ шоссевыми дорогами въ главнѣйшихъ направленіяхъ, но еще имѣвшимъ много трущобныхъ зарослей, соблазнявшихъ столичную голытьбу. Правда, приведеніе въ порядокъ Тиргартена обошлось дорого, въ милліоны марокъ, но за то и добыты такіе результаты, съ которыми не можетъ сравниться ни одна изъ столицъ великихъ державъ.

На сколько теперь общественная жизнь Берлина бьетъ ключемъ, на столько же тогда она была мизерна. Недостатокъ публичнаго комфорта въ особенности былъ чувствителенъ при сравненіи лукулловскихъ пиршествъ, не прекращавшихся во весь конгрессный періодъ, съ почти единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно было сносно обѣдать, рестораномъ Гиллера подъ липками, съ жирною кухнею, тяжелою атмосферою табачнаго дыма и низкими потолками.

Природныя качества Берлина не завидны. Гладкая унылая мѣстность, несчастная Шпрее съ болотистыми ручьями и притоками, окрестные пески, казалось, отрицали самую возможность сдѣлать здѣсь что-нибудь порядочное. Въ самое короткое время все это преобразилось, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, въ великолѣпную столицу съ тѣнистыми садами и аллеями, идеальной мостовою, величественными зданіями, пески превращаются сосновыми насажденіями въ лѣчебные курорты, болотистые ручьи въ каналы со сплошными каменными ложами, Шпрее дѣлается торговой судоходною рѣкою. Была эпоха преобразованія и Парижа,

когда при Гаусманѣ буравили цѣлые кварталы для проложенія улицъ и устройства новыхъ площадей со скверами, но то была работа совершенно другого характера. Какъ Семирамидины сады, осуществлялись фееричныя затѣи, не всегда имѣвшія по существу общественную пользу. Здѣсь въ Берлинѣ все совершается по гигантскому плану въ органической связи съ государственнымъ развитіемъ. На первомъ планѣ стоятъ желѣзныя дороги, крестящія городъ, но искусно проложенныя безъ малѣйшаго затрудненія для городского движенія по улицамъ. Сѣтъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ собою полную гармонію и поднята на такую высоту совершенства, до которой нигдѣ еще дороги не достигали. Стоимость ихъ неимоверна; но она—не излишняя роскошь. Основные данныя для ихъ сооруженія всегда составляли государственныя потребности, вѣрно и предусмотрительно взвѣшенныя и оцѣненныя. Изумительна по своимъ размѣрамъ германская торговля, покоющаяся на все еще расширяющейся промышленной производительности страны. Въ Берлинѣ она осуществляется десятками торговыхъ домовъ и кварталовъ, очевидно рассчитанныхъ не столько для удовлетворенія нуждъ города, сколько по міровому торговому обращенію. Нѣтъ надобности говорить о законченности организаціи вооруженныхъ силъ, она извѣстна всему міру, просящему прусскихъ инструкторовъ. Съ удивительною настойчивостью вездѣ устраиваются музеи естественныхъ богатствъ земли, произведеній почвы, заводскихъ и фабричныхъ продуктовъ такъ, что познакомиться со всѣми свойствами данной мѣстности не представляетъ большихъ затрудненій. Но государственный смыслъ не останавливается на этихъ усовершенствованіяхъ, а стремится еще улучшить нравственную сторону человѣческой природы путемъ распространенія въ народныхъ массахъ музыкальныхъ и изящныхъ произведеній. Берлинъ какъ бы раздѣленъ на музыкальные округа, въ центрахъ которыхъ расположены обширныя помѣщенія капеллъ, созданныя городскими управленіями въ честь извѣстнѣйшихъ композиторовъ.

Въ чемъ нельзя упрекнуть германцевъ, это въ излишкѣ зодческаго вкуса. Несмотря на чрезвычайныя усилія именно въ этомъ направленіи, всѣ монументальныя сооруженія Берлина, государственныя, общественныя и частныя богатыхъ людей страдаютъ безвкусицей. Злой рокъ заставляетъ насъ равнодушно проходить мимо многихъ предметовъ, заслуживающихъ если не подражанія, то по крайней мѣрѣ вниманія, и усваивать древне-германскій стиль, дѣлающійся въ Петербургѣ любимымъ архитектурнымъ мотивомъ.

Чѣмъ больше вдумываешься въ глубокій смыслъ всѣхъ этихъ

явленій, чѣмъ больше ихъ обобщаешь, тѣмъ болѣе приходится сознавать необыкновенную способность германской народности къ организаціи. Другія народности, между ними и наша славянская, во многомъ ее превосходятъ, быть можетъ даже много ее геніальнѣе, но въ способности организоваться несомнѣнно ей сильно уступаютъ. Признавая жизненное значеніе всякаго рода организаціи, нельзя не остановиться предъ вопросомъ, въ чемъ здѣсь дѣло и какъ намъ быть, чтобы наши высокія способности осуществлялись въ жизни съ такимъ же успѣхомъ, какъ германскія? Вотъ капитальный вопросъ Шекспировской глубины. Государственность Германской имперіи высокая по своей простотѣ. Съ тѣхъ поръ какъ главенство нѣмецкой народности перешло отъ юга на сѣверъ, болѣе нѣтъ искусственныхъ увлеченій. Ясность и прямолинейность служатъ отличительными признаками ново-германской политики для тѣхъ, которые умѣютъ правильно разбираться въ историческихъ явленіяхъ. Патріархальный по природѣ, германскій народъ, крѣпкій въ семьѣ и школѣ, даетъ сильное перепроизводство народонаселенія, которому стремится дать естественный исходъ. Въ эпоху тевтонскаго варварства послѣдній осуществлялся насиліемъ надъ франкскою страной, теперь осуществляется широкимъ развитіемъ колониальной системы. Здѣсь нѣтъ увлеченій въ сторону сентиментальности, не имѣющей силы вліять на измѣненія главнаго направленія. Кто не остерегся, тотъ будетъ поглощенъ. Слабый долженъ отстраняться, могущественный—противоставлять стихійной силѣ силу разума.

Въ Европѣ неустроеннымъ краемъ еще остается Балканскій полуостровъ, служащій поэтому вождельніемъ для сильныхъ. Какъ въ сторону наименьшаго сопротивленія, сюда направляются способы улаженія международныхъ отношеній великихъ державъ, сюда же Германія отодвигаетъ Австро-Венгрію въ объединительномъ стремленіи съ ея нѣмецкими провинціями. Если политику Берлина можно назвать точною, то сказать того же о вѣнской изворотливости никакъ нельзя. Мудрость Вѣны заключается въ искусствѣ противопоставлять интересы. Предъ суровою для державы Габсбурговъ будущностью—неминуемымъ распаденіемъ на составныя части Вѣна лишь изыскиваетъ способы продолжить свою агонію по возможности на болѣе продолжительный періодъ времени. Ея попытка вкорениться въ итальянскія земли не удалась и окончилась соглашеніемъ по балканскому вопросу, въ которомъ первенство католическаго вмѣшательства черезъ албанцевъ сохранено за нею. Вѣна ублажаетъ себя надеждою оживить одряхлѣвшій организмъ свой притокомъ свѣжихъ силъ славянства. Она рассчитываетъ превра-

тятся въ великую славянскую державу католичества въ противовѣсъ православной Россіи; но на этомъ тернистомъ пути она встрѣтитъ неодолимыя препятствія со стороны не одной Россіи. Но, пока она обезличиваетъ свои славянскія провинціи Адриатическаго побережья, пока усиливается превратить православную Галицію въ католическую, изящная Вѣна служитъ послушною игрушкою въ рукахъ дѣловитаго и суроваго Берлина. Если хотя бы часть того, что здѣсь изложено, было вѣрно, то возникаетъ сомнѣніе о цѣлесообразности переговоровъ и соглашеній съ Австро-Венгрією. Съ нею можно серьезно говорить, но рассчитывать на выполненіе какихъ-либо обязательствъ, въ сущности зависящихъ больше отъ Берлина, чѣмъ отъ Вѣны, было бы непростительною иллюзією.

Во многихъ мѣстахъ настоящихъ записокъ я уже имѣлъ случай коснуться тѣхъ условій, при которыхъ сложились наши отношенія къ балканскимъ государствамъ. Несмотря на полное желаніе слиться съ нами одною государственною задачею, какъ-то такъ случилось, что мы собственными же руками ихъ отъ себя оттолкнули и заставили искать другую силу, на которую могли бы опереться. Исключеніе составила одна Болгарія. Для нея мы были готовы на все и не скупились ее надѣлать возможными и невозможными благами. Говорю это не въ ея обвиненіе, а въ собственное осужденіе. Излишнее баловство впродолженіе никогда не идетъ. Я былъ близокъ къ правительственному кабинету Ивана Братіано, вся картина отчужденія Румыніи отъ насъ прошла предъ моими глазами. Еще ближе я былъ къ сербскому министерству Іована Ристича, поддержкою котораго сильно пользовался при направленіи военныхъ операцій арміи княжества, и долженъ сознаться, что сдѣлали мы для Сербіи много, но совершенно не сумѣли организовать общаго дѣла и извлечь изъ силъ этого государства послѣ войны какую-либо пользу. Наконецъ, Черногорія, орляное гвѣздо сербства. Неужели и ее мы когда-нибудь бросимъ въ объятія Вѣны!

На значеніи Черногоріи слѣдуетъ остановиться. Связь ея съ нами держится крѣпко съ самой эпохи Петра Великаго. Если бы она была только горою свободолюбивыхъ славянскихъ соколовъ, она бы не существовала. Но могущество ея недостижимо велико, такъ какъ черпается изъ всѣхъ сербскихъ православныхъ странъ, а слава вождя ея легендарна, вмѣщая въ себѣ фабулу сербской мощи. Не даромъ они именовались Владыками, совмѣщая въ себѣ гражданскую власть съ духовною. Достоинно вниманія то обстоятельство, что во всѣ времена Черногорія почиталась всѣми международными вѣдомствами, въ томъ числѣ и нашимъ, самымъ спокойнымъ мѣстомъ на всемъ земномъ шарѣ. Оно и понятно, такъ

какъ военное положеніе на черногорской границѣ было нормальнымъ, а мирное составляло рѣдкое исключеніе. Только русскіе монархи, а за ними общественное мнѣніе симпатизировали Черной Горѣ настолько, что не отличали ея интересовъ отъ собственныхъ, и были въ высшей степени въ этомъ правы. О королѣ Николаѣ не можетъ быть двухъ мнѣній. Это—талантливый вождь сербства, стоящій на высотѣ событій. Владѣть клочкомъ земли и изъ этой государственной фикціи создать силу, съ которою считаются даже великія державы, можетъ быть только удѣломъ особыхъ дарованій; королевскимъ достоинствомъ Николай завершаетъ свою международную дѣятельность и подготавливаетъ объединеніе силъ сербства.

ХVIII.

Такія событія, какъ Берлинскій конгрессъ, должны имѣть для жизни народовъ большое исправительное значеніе. Въ такія минуты одностороннее самовосхваленіе сталкивается съ интересами великихъ державъ и безпощадно разрушается. Горе тѣмъ, которые въ своемъ смиреніи не изыскиваютъ твердыхъ государственныхъ началъ, очищая ихъ отъ льстивыхъ извращеній. Они не изцѣляются отъ своихъ пороковъ, а заростають въ нихъ.

Хотя изъ всѣхъ вопросовъ военного характера только одни по Черногоріи не входили въ кругъ моихъ обязанностей; тѣмъ не менѣе они меня чрезвычайно интересовали, и я имъ всегда придавалъ первостепенное значеніе.

Съ Черногоріею я познакомился еще во время герцеговинскаго возстанія, когда былъ посланъ вмѣстѣ съ санитарнымъ отрядомъ отъ Георгіевской общины Краснаго Креста. Въ странѣ я оставался всю зиму и имѣлъ много случаевъ изучить ея особенности. Еще приближаясь къ Черной Горѣ, она поражаетъ величественною красотою своей суровой природы. Среди яркаго солнечнаго дня пародъ входитъ въ полосу тѣни горныхъ глыбъ, возвышающихся, казалось, до самаго неба, и, скользя по зеркальной поверхности Бокки-ди-катарской, упирается въ исходной точкѣ залива миниатюрнаго городка Катаро, отъ котораго идетъ крутой подъемъ въ облачныя выси. Непрístupна и дика мѣстность наверху. Чтобы обезпечить для себя возможность существованія, человѣку приходится отвоевывать здѣсь отъ сѣрыхъ скалъ площадки, наносить туда чуть не горстями земли, и только тогда добывать себѣ средства къ жизни. Воспитанный въ такихъ условіяхъ, вскормленный скудною пищею и вѣчно свѣжимъ горнымъ воздухомъ, черногорецъ

сухъ, гибокъ, ловокъ, и представляетъ собою идеально подготовленнаго воина для горной войны. Призваніе всей его жизни—борьба съ невѣрными, борьба беспощадная, которой нѣтъ ни начала, ни конца. Въ тѣ рѣдкія минуты, когда затишье на границахъ позволяетъ ему быть дома, онъ поетъ про славное прошлое сербства, про доблестныхъ его сыновъ. Герой тотъ, кто привозитъ съ собою съ поля битвы мѣшокъ съ отсѣченными имъ головами враговъ. Когда ужасъ такихъ трофеевъ проникъ въ темныя ущелья Черныхъ горъ, юнаки вмѣсто головъ стали отсѣкать носы съ частью верхней губы. Въ Рагузѣ-Дубровникѣ мнѣ приходилось встрѣчать такихъ несчастныхъ, у которыхъ носы были приставлены, а вмѣсто губы былъ кусокъ кожи съ торчащими на нихъ волосами вмѣсто усовъ.

Полнаго замирения Черногоріи быть не можетъ. Историческое и политическое значеніе ея или увѣнчается образованіемъ сербскаго государства, или она пропадетъ, растаетъ подъ вліяніемъ гуманныхъ условій цивилизаціи, способной оказать ей коварную услугу. На территоріальномъ клочкѣ Черногоріи введено государственное устройство по образцу западныхъ державъ, но главная сила, которою она держится, это патриархальное начало. По существу и полномочію власти современный король тотъ же владыко прежнихъ временъ, тотъ же полновластный властитель и вершитель всѣхъ дѣлъ. Мститый король Николай достигъ вершины государственной и политической власти столько же во имя славнаго прошлаго страны, сколько благодаря собственной доблести; но и онъ не удержался бы у власти, если бы не становился во главѣ войскъ во время войны. Даже слава его семьи, давшей великимъ державамъ рядъ доблестныхъ дочерей высокихъ достоинствъ, не была бы въ состояніи его спасти, если бы когда-либо онъ преступилъ народныя завѣты сербства.

Сербству принадлежитъ вся западная часть Балканскаго полуострова. Только въ Македоніи этнографическое преобладаніе переходитъ болгарской народности, и въ Эпирѣ—Ѡессаліи—греческой. Вкрапленными здѣсь оказываются дзинзары-румыны и, разбросанные племенными группами, горскія племена, не выдержавшія съ одной стороны натиска османовъ, а съ другой латинской пропаганды, потурчавшіяся или принявшія католичество. Но первенствующимъ этнографическимъ элементомъ на всѣхъ обширнѣйшихъ равнинахъ и главнѣйшихъ долинахъ искони была сербская народность, централизованная на такъ называемомъ Коссовомъ полѣ, воспѣтомъ народнымъ эпосомъ и получившемъ историческое наименованіе Старой Сербіи. Это то, что теперь входитъ въ составъ Новобазарскаго санджака,

на языкѣ дипломатовъ знаменитая Enclave. Сюда, въ это сербское сердце, пять вѣковъ тому назадъ былъ нанесенъ страшный ударъ поклонниками Магомета. Послѣдствіемъ было порабощеніе, но не въ немъ заключалась главнѣйшая бѣда сербства. Не выдержали гнета полумѣсяца свободолюбивые сыны его. Какъ одинъ человекъ поднялась страна по мановенію своего патриарха, покинула родину и перешла за предѣлы на ласковый зовъ Шваба. Прошли вѣка, все ту же и ту же затягивается мадьярская петля, а тамъ, въ отечествѣ, на православный крестъ Старой Сербіи уже давно старается взгромоздиться мусульманскій полумѣсяцъ Арнаутлука.

Выселеніемъ ядра сербскаго населенія былъ нанесенъ жестокій ударъ будущности сербства. Арнауты, т. е. слившіяся вмѣстѣ албанскія племена подъ этимъ оффиціальнымъ именемъ, мало по малу овладѣли прекрасною страной и засѣли мусульманскимъ клиномъ между двумя сербскими княжествами—осколками отъ Великой Сербіи. Но какъ горскія племена, арнауты являются не всегда послушнымъ орудіемъ Стамбула, тѣмъ болѣе, что значительный процентъ мѣстнаго населенія все-таки составляютъ не переселившіеся сербы. Интересы албанцевъ въ отношеніи правительственной власти во многомъ однородны съ Черногорією, куда бѣгутъ, когда турецкій нажимъ становится чувствительнымъ. Какъ только государственная власть стремится къ осуществленію своихъ правъ, она встрѣчаетъ немедленно упорное сопротивленіе. Явленіе крайне сложнаго характера. Княжества не могутъ допустить полнаго обезличиванія сербскаго въ странѣ населенія, иначе они обрекаютъ себя на вѣчное политическое ничтожество. Для державы Османа Албанія не всегда служитъ источникомъ силы, но гораздо чаще, сознавая свое значеніе, ослабляетъ ея государственный организмъ. Броженіе въ самой Албаніи еще не получило опредѣленнаго направленія и не сложилось въ извѣстную форму. Пока всѣхъ соединяетъ одинъ лозунгъ: не платить денегъ, не давать рекрутъ.

Все это ясно и на каждомъ шагу пробивается наружу. Но существуютъ скрытые пути и тайныя нити, сходящіяся въ столицѣ Габсбурговъ. Вытѣсняемая изъ Германіи, держава послѣднихъ имѣетъ два исхода: или стремиться къ Адриатикѣ и здѣсь столкнуться съ юнымъ, но уже мощнымъ итальянскимъ государствомъ; или обратиться на Балканскій полуостровъ, чтобы неуклонно добиваться Егейскаго моря. Опытъ перваго пути уже былъ испробованъ. Онъ показался труднымъ, и потому здѣсь было отдано предпочтеніе миролюбивому соглашенію. Но на славянскомъ полуостровѣ все складывается для Австро-Венгріи въ высшей степени благопріятно и какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ ея политическому характеру.

Безъ всякихъ хлопотъ и по дешевой цѣнѣ достались ей здѣсь богатѣйшія страны Босніи и Герцеговины, сначала для сохраненія въ нихъ мира и порядка, а потомъ путемъ включенія въ составъ державы *mitte* для одаренія ихъ всѣми благами цивилизаціи. Ни славянская народность, ни инославныя вѣроисповѣданія, православіе и магометанство, прямо враждебныя господствующему католицизму, не остановили присоединенія, даже не дали повода для протеста. Почему же Европа съ разными мѣрами относится къ однородному факту територіальнаго захвата Австро-Венгрією, или иною державою. Не потому ли, что у насъ только размахъ широкъ и страшенъ, а тамъ все облекается въ мягкія формы вкрадчивой рѣчи и ласковаго обращенія. Не примѣнима ли для насъ французская поговорка: *qui trop embrasse mal éteind*“, а для державы Габсбурговъ нашей русской: „мягко стелеть, да жестко спать“.

Прозорливость Австро-Венгрии въ свое время не ограничилась громаднымъ земельнымъ захватомъ. Вѣна предусмотрительно наложила свою тяжелую, но въ бархатной перчаткѣ руку, на Новобазарскій санджакъ, и никакія усилія нашихъ самыхъ выдающихся дипломатовъ не могли ее ни сдвинуть, ни снять. Не желая себя ослаблять людьми и деньгами на оккупацию, она закрѣпила за собою, съ одобренія Европы, только юридическія права расположенія и движенія по странѣ своихъ войскъ. Цѣль намѣчена, средства готовятся, ожидается лишь благопріятная обстановка. Но не таковъ историческій характеръ монархіи Габсбурговъ, чтобы идти къ намѣченной цѣли прямымъ путемъ и рѣшать вопросъ однимъ ударомъ. На продолженіи вѣковъ монархія испытана слишкомъ рѣзкими боевыми невздами, чтобы довѣріе къ своему оружію не было подорвано въ корень. Военное искусство не имѣло почвы для своего развитія. Наоборотъ, пышнымъ цвѣтомъ развернулись дипломатическія способности. Австро-Венгрія въ ближайшее время едва-ли пріобрѣтетъ рѣшимость активно пойти въ бой безъ самой тщательной и всесторонней подготовки къ войнѣ. И нужно удивляться, съ какимъ искусствомъ создается обстановка, благопріятная для наступленія.

Но, какъ ни слабы двѣ части разрозненнаго сербскаго государства, онѣ все-таки страшны исконному непріятелю. Еще носятя предъ глазами австрійцевъ кошмарныя тѣни кровавыхъ побоищъ въ Кривошеяхъ, гдѣ регулярные баталіоны погибали подъ острыми ятаганами одиночныхъ юнаковъ. Поразительны потери турецкихъ войскъ въ послѣднюю войну при каждомъ столкновеніи съ черногорцами. Лучшія страницы австрійской военной исторіи свидѣ-

тельствуютъ, что австрійскія войска побѣждали на Балканскомъ полуостровѣ только тогда, когда сражались вмѣстѣ съ русскими. Кто можетъ поручиться, задумываются въ военныхъ совѣтахъ австрійской арміи, что, выдвинутыя впередъ по Новобазарскому санджаку, боевыя части не будутъ стиснуты съ обѣихъ сторонъ и не будутъ искать спасенія только въ бѣгствѣ. Вѣдь характеръ мѣстности почти тотъ же, что и въ Кривошеяхъ. Сразу перейти границы княжествъ, смять ихъ силу и наступать грознымъ побѣдителемъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ много лучше, но за то и много страшнѣе, рискованнѣе. На такое рѣшеніе государственная политика едва-ли когда-нибудь согласится. Наученная горькимъ опытомъ, она стремится достигъ цѣли болѣе осторожнымъ и вѣрнымъ путемъ. Предоставляя своей арміи, время отъ времени, бряцать оружіемъ, она нанизываетъ въ своей искусственной дѣятельности фактъ за фактомъ ловкими соглашениями съ нами, заступничества которыхъ боится больше всего, дискредитируя нашъ авторитетъ въ глазахъ славянскаго міра и наталкивая на сомнительныя рѣшенія. Но плодъ еще не созрѣлъ и она сосредоточиваетъ все свое искусство, чтобы не пропустись воспользоваться событіями.

Еще задолго до вмѣшательства Европы въ наши дѣла на Берлинскомъ конгрессѣ, мы принесли добровольно тяжелую славянскую жертву рѣшеніемъ судьбы Босніи и Герцеговины. За что мы обрекли ихъ тяжелой участи? Вѣдь не за то же, что они легко поддались грозному побѣдителю и приняли исламъ. Быть можетъ, такъ было лучше, во-первыхъ потому, что магометанство сохранило въ части народонаселенія православіе, а во-вторыхъ—вѣроисповѣданіе Магомета во всякомъ случаѣ только временнаго характера. Дорогою цѣною мы купили свободу воевать на Балканскомъ полуостровѣ, австрійскія войска не тронуть нашего тыла. Но такимъ языкомъ можетъ говорить только слабый. Мы дѣйствительно были слабы: и въ отношеніи организаціи, и въ отношеніи вооруженія, боевого снаряженія, и въ отношеніи всякаго рода матерьяльной части. Мы въ нерѣшительности стояли накануне войны предъ рядомъ сомнительныхъ вопросовъ, но задоръ превозмогъ.

Хорошо помню то время, когда, около сорока пяти лѣтъ тому назадъ, вернувшись изъ своей первой командировки на Балканскій полуостровъ по вопросу о продолженіи измѣренія дуги меридіана до острова Кандіи, я былъ свидѣтелемъ двухъ правительственныхъ теченій: пассивнаго во имя знаменитаго „*la Russie se recueille*“ и юношески-военнаго задорнаго изъ желанія испытать на дѣлѣ молодая войска новой организаціи.

„Государственный канцлеръ слишкомъ осторожно предостерегаетъ Государя отъ всякаго активнаго дѣйствія“, говорилъ мнѣ военный министръ, генераль-адъютантъ Д. А. Милютинъ. „Если мы во всемъ будемъ сомнѣваться и предъ всякимъ препятствіемъ останавливаться, то какое же будемъ имѣть значеніе въ международныхъ дѣлахъ и вліяніе на судьбу славянскихъ народностей; когда же наконецъ испробуемъ наши силы“...

„Постарайтесь изложить всѣ впечатлѣнія Вашего путешествія, нисколько не смягчая характера событій, и передайте Зыкову для номѣщенія въ „Русскомъ Инвалидѣ“¹⁾).

Такъ началась вновь подготовка общественнаго мнѣнія и опредѣлялось направленіе государственной политики, вполне совпадавшее съ нашимъ традиціоннымъ заступничествомъ за братьевъ-славянъ Балканскаго полуострова. Эпоха бурныхъ внутреннихъ реформъ задержала развитіе этого направленія до появленія на дипломатическомъ поприщѣ въ Константинополѣ даровитаго и дѣятельнаго графа Н. П. Игнатьева. При немъ дѣло закипѣло. Но какъ бы ни была высока руководящая государственною политикою власть, многое зависитъ отъ достоинствъ ея заграничныхъ представителей. Правильное соотношеніе между ними вполне необходимо, первой по талантливой инициативѣ, второй по искусному осуществленію полученныхъ директивъ. Избытокъ или недостатокъ качествъ, тамъ или тутъ, одинаково вредны для дѣла. При всѣхъ высокихъ достоинствахъ молодого посла, онъ грѣшилъ служебною запальчивостью, происходившею отъ обилія силъ, и весьма часто не только не вслушивался въ даваемые ему указанія, но порывистою дѣятельностью старался увлечь высшую власть за собою. Цѣлый рядъ случаевъ наполнял дипломатическую дѣятельность посла, такихъ, на которые другіе не обратили бы большого вниманія. Такъ возникъ и вопросъ объ измѣреніи дуги меридіана до о. Кандіа. Военное вѣдомство поспѣшило имъ воспользоваться, чтобы послать партію военныхъ специалистовъ для ознакомленія съ мѣстными условіями намѣченной работы.

Конгрессъ въ Берлинѣ, какъ бы то ни было, подвелъ итогъ нашей международной дѣятельности какъ дипломатической, такъ и военной. Въ первомъ отношеніи слабость ея выясняется съ достаточною очевидностью. Остается сказать, что и въ направленіи военнаго дѣла вкралось много недочетовъ въ организаціонныхъ началахъ. Все хорошее и дурное, обнаружившееся на театрѣ войны Балканскаго полуострова, принадлежитъ двадцатилѣтней работѣ

¹⁾ Тогда еще большая политическая газета.

полновластнаго военнаго министра, графа Д. А. Милютина, одного изъ самыхъ выдающихся государственныхъ дѣятелей и по своему высокому разуму, и по прекраснымъ душевнымъ качествамъ, и по своему безконечному трудолюбію. Къ величайшему сожалѣнію, отличныя дарованія этой высокой личности были болѣе кабинетнаго свойства. Продолжительное пребываніе у власти и высокій профессорскій авторитетъ развили самоувѣренность, не преклонявшуюся предъ боевымъ опытомъ. Незамѣтно уклонившись отъ основъ роднаго ратнаго искусства, смѣлый организаторъ пошелъ на пути заимствованій изъ организацій иностранныхъ вооруженныхъ силъ и здѣсь впалъ въ такія отвлеченныя крайности, къ намъ не примѣнимыя, которыя надолго затормозили развитіе нашихъ боевыхъ средствъ. Какъ человѣкъ сильнаго ума, въ своихъ увлеченіяхъ онъ былъ остороженъ, но самымъ фактомъ усвоенія чуждыхъ началъ онъ проложилъ дорогу ложному направленію. На театрѣ войны наши войска явились неподготовленными къ его свойствамъ ни въ отношеніи организаціи, ни въ отношеніи снаряженія и вооруженія, ни въ отношеніи матерьяльныхъ средствъ. Даже генеральный штабъ, на образованіе котораго генераль-адъютантъ Милютинъ положилъ такъ много средствъ и заботъ, не оказался на высотѣ положенія, не былъ нервною сѣтью войскового управленія. Ограничиваюсь настоящими строками, такъ какъ приступать къ подробному анализу дѣятельности такихъ выдающихся лицъ, какъ графъ Милютинъ, необходимо съ величайшею осторожностью. Закачиваю въ высшей степени характернымъ обстоятельствомъ. Графъ Д. А. Милютинъ, никогда ничѣмъ самостоятельно не командовавшій, былъ сдѣланъ фельдмаршаломъ, а боевой генераль Радецкій остался безъ фельдмаршальскаго жезла.

Г. И. Бобриковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

